

П.Н. „МЕДВЕДЕВ

ФОРМАЛЬНЫЙ МЕТОД

В

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ

КРИТИЧЕСКОЕ ВВЕДЕНИЕ
В СОЦИОЛОГИЧЕСКУЮ
ПОЭТИКУ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПРЕДМЕТ И ЗАДАЧИ МАРКСИСТСКОГО ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ,

НАУКА ОБ ИДЕОЛОГИЯХ И ЕЕ ОЧЕРЕДНЫЕ ЗАДАЧИ

ПРОБЛЕМА СПЕЦИФИКАЦИИ
КАК ОСНОВНАЯ ОЧЕРЕДНАЯ ПРОБЛЕМА
НАУКИ ОБ ИДЕОЛОГИЯХ

Литературоведение является одной из ветвей обширной науки об идеологиях, охватывающей на основе единого принципа в

понимании своего предмета и единого метода его изучения все области идеологического творчества человека.

Основы этой науки об идеологиях — в смысле общего определения идеологических надстроек, их функций в единстве социальной жизни, их отношения к экономическому базису, отчасти и их взаимоотношений между собой, — глубоко и прочно заложены марксизмом. Однако, детальное изучение специфических особенностей, качественного своеобразия каждой из областей идеологического творчества — науки, искусства, морали, религии — до сих пор находится еще в самом зародыше.

Между общей теорией надстроек и их отношения к базису и конкретным изучением каждого специфического идеологического явления существует как бы некоторый разрыв, какая-то туманная и зыбкая область, через которую каждый исследователь пробирается за свой страх и риск, а часто и просто перескакивает через нее, закрыв глаза на все трудности и неясности. В результате или страдает специфичность изучаемого явления — например, художественного произведения — или же под «имманентный», отдающий дань этой специфичности, но ничего общего с социологией не имеющий анализ его искусственно подгоняется экономический базис.

Не хватает именно разработанного социологического же учения о специфических особенностях материала, форм и целей каждой из областей идеологического творчества.

Ведь у каждой из них свой язык, свои формы и приемы этого языка, свои специфические законы идеологического преломления единого бытия. Нивелировать все эти различия, пренебрегать существенной множественностью идеологических языков менее всего может быть свойственно марксизму.

Специфичность искусства, науки, морали, религии не должна, конечно, заслонять их идеологического единства как надстроек над одним общим базисом, проникнутых единой социально-экономической закономерностью; но эта специфичность не должна стираться ради общих формул этой закономерности.

На почве самого марксизма должны быть разработаны спецификации единого социологического метода в применении к особенностям изучаемых областей идеологического творчества, дабы этот метод действительно мог проникнуть во все детали и тонкости идеологических структур.

Но для этого, прежде всего, должны быть поняты и определены самые эти особенности, качественные своеобразия идеологических рядов.

Заимствовать эти определения у идеалистической «философии культуры» или у позитивистических «...ведений» (искусствоведения, науковедения, религиоведения) марксизм, конечно, не может: под такие заимствованные определения пришлось бы искусственно подгонять базис, между тем как сами эти определения должны быть выведены из базиса.

Все подобные определения, выработанные в западноевропейской науке, заведомо не социологичны: они или поняты натуралистически (главным образом, на основе биологии), или позитивистически расплывлены в плоскую понятий эмпирии, затеряны в пустыне обесмысленных деталей, или же, наконец, идеалистически отрешены от всякой эмпирии, замкнуты в самодовлеющем царстве «чистых смыслов», «ценностей», «трансцендентальных форм», и потому совершенно беспомощны перед конкретным, всегда материальным, всегда историчным идеологическим явлением.

Большой фактический материал, разработанный западноевропейской наукой, конечно, может быть и должен быть использован марксизмом (разумеется, критически), но принципы, методы, а отчасти и конкретная методика этой работы неприемлемы для него (за исключением черновой методики — палеографии, приемов филологической подготовки и анализа текста и т.д.).

**КРИЗИС ИДЕАЛИСТИЧЕСКОЙ
«ФИЛОСОФИИ КУЛЬТУРЫ» И
ГУМАНИТАРНОГО ПОЗИТИВИЗМА**

В настоящее время в самой западноевропейской науке и философии наблюдается глубокая неудовлетворенность как идеалистическим отрывом от реальности, так и обесмысливающим, не способным ни к какому синтезу позитивизмом и натурализмом. Появилось и все усиливается глубокое стремление объединить задачи широкого мирозерцательного синтеза (что раньше было достоянием идеалистической «философии культуры») с задачами конкретного изучения живой изменчивости, многообразия, специфичности и материальной воплощенности идеологических явлений (что в противовес идеализму выдвигал раньше позитивизм в частных гуманитарных науках).

На почве этого стремления в самом конце прошлого века начал слагаться западноевропейский искусствоведческий формализм (Фидлер, Гильдебранд, Мейер-Грефе), одинаково враждебный как позитивизму предше-

ствующей эпохи, так и идеалистической философской эстетике с ее дурной общностью и отрешенностью от конкретных явлений искусства.

Эта борьба искусствоведения одновременно на двух фронтах — с позитивизмом и с претензиями идеалистической эстетики — была поддержана авторитетнейшими представителями искусствоведения конца XIX — начала XX вв. — Алоизом Риглем и Августом Шмарзовым¹. В настоящее время эта тенденция к широкому синтезу на конкретной почве исторического искусствоведения наиболее ярко проявляется в трудах Вельфлина и Воррингера.

Аналогичным движением в области филологии является школа Фосслера (*Idealistische Neufilologie*), пытающаяся приспособить идеалистическую философию к решению конкретных проблем лингвистики и истории языка.

То же происходит и в истории литературы, где проявляется эта же тенденция овладеть конкретной специфической действительностью и историчностью литературных явлений, не утрачивая в то же время общих принципов и связей с единством мировоззрения. Достаточно назвать Гундольфа, Эрматингера, Гефеле и Вальцеля. Философской почвой для этих устремлений служит отчасти феноменология (Гуссерль, Шелер, Морц Гейгер), но в особенности интуитивистическая философия жизни (Бергсон, Зиммель).

Повсюду наблюдается, — одновременно с кризисом общей философии культуры, как она разрабатывалась в неокантианских системах, — проникновение философского пафоса вовнутрь самих гуманитарных наук, бывших до последнего времени приютом позитивизма.

Для этой «философии снизу» очень характерно появление таких книг, как «Эстетика и общее искусствоведение» Дэссуара, «Обоснование общего искусствоведения» Утица и «Эстетика» Гамана.

Облик этих книг резко отличен от обычных систематических эстетик: они проникнуты стремлением исходить из конкретных вопросов и нужд самого искусствоведения в их специфичности, а не из общих запросов системы философии. Но вместе с тем это и не позитивистические работы обычного типа.

Все это резко отличает современные философские и научные искания Запада от присущего предшествующему периоду стремления к философской «систематичности во что бы то ни стало», как оно особенно резко проявлялось в неокантианстве.

Там господствовало стремление привести в систему принципы и самодовлеющие методы, здесь — пронизать единым смыслом мир конкретных вещей и живых исторических событий в их неповторимости и индивидуальности. Там — свести концы с концами в отвлеченном мышлении о

¹ Эти основоположники современного европейского искусствознания не лог> : быть грчислены к формальному направлению, хотя и подверглись сильному влиянию; !чь ^ебранда. Они были спецификаторами в лучшем смысле этого слова, чуждыми ВО.СІСН Ы-ч.двдчтосты и !управленчества.

мире, здесь — осмыслить конкретные переживания жизни и истории со всюю их изменчивостью и многообразием.

«Воля к системе» явно сменилась волей к овладению конкретным миром материально выраженных вещей и событий, — однако не на позитивистической основе, без утраты их живого и осмысленного единства.

ПРОБЛЕМА СИНТЕЗА ФИЛОСОФСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ С КОНКРЕТНОСТЬЮ И ОБЪЕКТИВНОСТЬЮ ИСТОРИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ

Этот одновременный кризис идеализма и позитивизма очевиден. В остро переживается современной европейской научной мыслью. Но есть ли почва для положительного разрешения этого кризиса?

Мы полагаем, что эту почву мог бы быть только диалектический материализм. На всякой иной философской почве задача объединить широкий синтез и общемиросозерцательную установку с овладением материальным многообразием и историческим становлением идеологических явлений — задача неразрешимая и даже противоречивая. Между плоским эмпиризмом позитивизма и отвлеченной отрешенностью идеализма для самого буржуазного мировоззрения — *tertium non datur*. Кажущееся разрешение дает лишь полумистическая, живущая за счет своей недосказанности и недодуманности «философия жизни».

Вожденный синтез философского мировоззрения со всюю конкретностью исторического изучения специфических явлений искусства, науки, морали, религии БСЗМОжен лишь для диалектического материализма. Для этого в нем заложены незыблемые оКССbи.

Но необходимо от деклараций этих основ и их бесконечного повторения перейти к разработке на их почве конкретных проблем искусствоведения, науковедения и пр. Необходимо заполнить прорыв между общим учением об идеологических надстройках и конкретной разработкой специальных вопросов. Нужно раз и навсегда преодолеть наивные опасения, что качественное своеобразие, например, искусства может вдруг оказаться не социологическим. Точно внутри социологического ряда не может быть глубоких качественных различий!

Что в спецификаторство иногда прячутся от социологии — не подлежит, конечно, сомнению. Но из этого вытекает тем большая необходимость взяться за эту спецификацию самому марксизму, не игнорируя всех вытекающих отсюда специальных проблем и соответствующих им специальных методологических установок как разветвлений единого социологического метода.

» Все продукты идеологического творчества — произведения искусства, научные религиозные символы и обряды и пр. — являются материальными вещами, ^стями окружающей человека реальной действительности. Правда, это вещи особого рода, им присуще значение, смысл, внутренняя ценность. Но все эти зн«?^чения и ценности даны только в материальных вещах и действиях. Они не помЛ^ются Д^ей~

ствительному осуществлению вне какого-либо обработанного материала.

И мировоззрения, верования, даже зыбкие идеологические настроения также даны не внутри, не в головах и не в «душах» людей. Они становятся идеологической действительностью только осуществляясь в словах, в действиях, в одежде, в манерах, в организациях людей и вещей, одним словом, в каком-либо определенном знаковом материале. Через этот материал они становятся реальной частью окружающей человека действительности.

Эта связь всех идеологических значимостей, как бы ни были они «идеальны» и «чисты», с конкретным материалом и его организацией гораздо органичнее, существеннее и глубже, чем это казалось раньше. Философия и гуманитарные науки слишком любили заниматься чисто смысловыми анализами идеологических явлений, интерпретацией их отвлеченных значений и недооценивали вопросов, связанных с их непосредственной реальной действительностью в вещах и их подлинным осуществлением в процессах социального общения.

Наука до сих пор интересовалась лишь индивидуальными физиологическими, а особенно — психологическими процессами создания и понимания идеологических ценностей, упуская из виду, что индивидуальный, изолированный человек не творит идеологий, что идеологическое творчество и понимание его осуществляется только в процессе социального общения. Все индивидуальные акты, участвующие в создании идеологий, являются лишь неотделимыми моментами общения, несамостоятельными компонентами его, и потому не могут изучаться вне осмысливающего их социального процесса как целого.

Отвлеченный от конкретного материала идеологический смысл буржуазная наука противопоставляет индивидуальному сознанию творящего или воспринимающего. Сложные социальные связи в пределах материальной среды подменяются выдуманной связью одинокого индивидуального сознания с противостоящим ему смыслом.

«Смысл» и «сознание» — вот два основных термина всех буржуазных теорий и философий культуры. Идеалистическая философия помещает еще между индивидуальным сознанием и смыслом «трансцендентальное сознание» или «сознание вообще» (*Bewusstsein überhaupt*), обязанность которого — блюсти единство и чистоту абстрактных смыслов от их распыления и замутнения в живом становлении материальной действительности.

На почве такого подхода к идеологическому творчеству создаются определенные навыки мышления и исследования, преодолеть которые нелегко. Привилась упорная глухота и слепота к конкретной идеологической действительности, к действительности вещей и Социальных действий и к тем сложным материальным связям, кото^{ые} проникают собой эту действительность. Мы охотнее всего представляем себе идеологическое творчество как какое-то внутреннее дело понимания, постижения, проникновения и не замечаем^о на самом деле оно все сплошь развернуто во-вне — для глаза, для уха, для рук, что оно не внутри нас, а между нами.

**ДВА КРУГА ОЧЕРЕДНЫХ
ПРОБЛЕМ НАУКИ ОБ
ИДЕОЛОГИЯХ**

Первый принцип, из которого должна исходить марксистская наука об идеологиях —

принцип материальной воплощенности и сплошной объективной данности всего идеологического

творчества. Все — во внешнем объективном мире, все доступно единому, в своей основе объективному методу познания и изучения.

«Каждый идеологический продукт и все в нем «идеально значимое» — не в душе, не во внутреннем мире и не в отрешенном мире идей и чистых смыслов, но в объективно доступном идеологическом материале, — в слове, в звуке, в жесте, в комбинации масс, линий, красок, живых тел и пр. Каждый идеологический продукт (идеологема) — часть материальной социальной действительности, окружающей человека, момент материализованного идеологического кругозора. Что бы ни значило слово, оно прежде всего материально налично как сказанное, написанное, напечатанное, шепотом переданное на ухо, подуманное во внутренней речи слово, т.е. оно всегда является объективно-наличной частью социальной среды человека.

Но эта материальная наличность идеологического явления не есть, однако, физическая или вообще чисто природная наличность, и противостоит этому явлению вовсе не физиологический и не биологический индивид.

Что бы ни значило слово, оно устанавливает связь между индивидами более или менее широкой социальной среды, связь, объективно выраженную в объединенных реакциях людей: в реакциях словом же, жестом, делом, организацией и пр.

Нет значения вне социальной связи понимания, т.е. объединения и взаимокоординации реакций людей на данный знак. Общение — это та среда, в которой идеологическое явление впервые обретает свое специфическое бытие, свою идеологическую значимость, свою знаковость. Все идеологические вещи — объекты социального общения, а не индивидуального использования, созерцания, переживания, гедонического наслаждения. Потому-то субъективная психология лишена подхода к значению предмета. Лишена его и физиология и биология.

В связи со всем этим для марксистской науки об идеологиях встают два круга основополагающих проблем:

- 1) проблемы особенностей и форм организованного идеологического материала как значащего материала;
- 2) проблемы особенностей и форм осуществляющего эту значимость социального общения.

Только тщательная разработка всех относящихся к этим обоим кругам проблем сможет внести необходимую завершенность и точность в марксистское учение об отражении и преломлении бытия в идеологических значениях.

**ПРОБЛЕМА ОРГАНИЗОВАННОГО
ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА**

В первом круге проблем встает, прежде всего > Вопрос об общих особенностях ор

ганизованного идеологического материала,

т.е. об особенностях идеологических вещей в их отличии: 1) от физиче-

ских, вообще природных тел, 2) от орудий производства и, наконец, 3) от продуктов потребления.

Натуралистический позитивизм и механистический материализм недооценивали или даже просто игнорировали отличия первого рода, т.е. отличия идеологической вещи от природного тела, стремясь всюду раскрыть, прежде всего, общеприродную механическую закономерность. Ясно, что для последовательного натурализма не только закрыт всякий доступ к таким более тонким идеологическим образованиям, как наука, литература, но и ко всем вообще существенным вопросам идеологического творчества. Как наиболее последовательное выражение такого натурализма можно указать на теорию «звуковых законов» («Lautgesetze») в лингвистике неограмматиков или на прагматическое учение о культуре как о приспособлении человеческого организма к чисто природной среде.

Утилитаристический позитивизм, способный проникать иногда и в марксизм, игнорировал различие второго рода, мысля идеологические вещи по аналогии с орудиями производства (а отчасти и предметами потребления).

Но орудия производства лишены всякой знаковости, они ничего не выражают и не отражают, у них есть только внешняя цель и приспособленная к этой цели техническая организация их физического тела.

Утилитарный позитивизм свил себе прочное гнездо в искусствоведении второй половины XIX века (особенно в областях классической археологии). Здесь он опирался, главным образом, на авторитет Готфрида Земпера², который дал следующее характерное определение художественного произведения: «...ein mechanisches Produkt aus Gebrauchszweck, Rohstoff und Technik» («механический продукт, слагающийся из практической цели, сырого материала и техники»).

Это — прекрасное и исчерпывающее определение для орудия производства, но не для какого бы то ни было идеологического продукта.

Вокруг такого понимания художественного произведения сложились всевозможные теории, объяснявшие происхождение тех или иных художественных форм и стилей из техники соответствующих производств (текстильного, гончарного и пр.).

Все эти теории и формула Земпера подверглись уничтожающей критике со стороны Алоиза Ригля³ и Августа Шмарзова⁴.

Алоиз Ригль противопоставил вышеприведенной формуле Земпера следующую свою формулу, ставшую основополагающей для всего современного западного искусствоведения: «Ein Kunstwerk ist das Resultat eines bestimmten und zweckbeurteilten Kunstwillens, das sich im Kampfe mit Gebrauchszweck, Rohstoff und Technik durchsetzt» («Произведение искусства есть результат определенной целесознательной художественной во-

² См. его незавершенный труд: «Stil in den technischen und tektonischen Künsten».

³ См. его: «Stilfragen, Grundlegung zu einer Geschichte der Ornamentik» (1893).

⁴ См. его: «Grundbegriffe der Kunstwissenschaft» (1905), особенно I (Einleitung): «Gottfried Semper Alois Riegl».

ли, осуществляющей себя в процессе борьбы с практической целью, сырым материалом и техникой»).

Понятие «художественной воли» («Kunstwollen») и понятие «сопротивления материала», к которому отнесены и утилитарная цель (если она есть) и техника обработки, являются в настоящее время основными понятиями западноевропейского формалистического искусствоведения. Технике не принадлежит никакой творческой роли. «Умение» («können») не оказывает никакого определяющего влияния на «художественную волю». Все движения и развитие в истории искусств объясняется только изменением «художественной воли», а вовсе не расширением и углублением художественного «умения». Так, например, Воррингер в своей книге «Abstraktion und Einfühlung» формы архаической пластики (неотделенность рук от корпуса, сдвинутость ног и пр.) объясняет не отсутствием соответствующего умения (что в данном случае, действительно, было бы нелепо), а определенной художественной волей: стремлением к неорганической компактности и целостности тела, предпочтением неорганических форм органическим.

Утилитарный позитивизм с его пониманием идеологических вещей по аналогии с производственными орудиями может считаться совершенно преодоленным в современном европейском искусствоведении. Специфичность идеологической вещи, идеологически организованного материала всеми понята и признана.

Самое понятие «художественной воли», конечно, неприемлемо для марксизма. Неприемлемо и противопоставление этой воли техническому умению, — хотя, бесспорно, нелепо понимать историю искусств как историю совершенствующегося технического умения. Но вся критическая сторона работы современного искусствоведения, направленная против позитивизма в обоих его разновидностях (натуралистического и особенно утилитарного), должна быть всецело принята.

Отличие идеологических вещей как значащих, отражающих и преломляющих бытие, от производственных орудий должно быть усвоено и утверждено до конца. Должны быть поняты и изучены особые формы организации идеологического материала, резко отличные от всякой производственной техники и к ней не сводимые.

Наконец, очень распространены теории, понимающие идеологические вещи по аналогии с продуктами потребления. Правда, эту аналогию никто не решается довести до конца. Последовательности утилитаристического позитивизма мы здесь не найдем. Тем не менее, в затушеванном виде этот подход к идеологическим продуктам как к предметам потребления очень распространен, а в настоящее время начинает проникать собою почти все построения упадочных буржуазных критиков.

Сюда относятся, прежде всего, все гедонистические теории идеологий, в особенности — искусства. Понимание произведения искусства как объекта индивидуального наслаждения и переживания по существу выражает имен-

но эту тенденцию — приравнять идеологическое явление к продукту индивидуального потребления.

Между тем художественное произведение, как и всякий идеологический продукт, есть объект общения. В нем важны не те, взятые сами по себе, индивидуальные субъективно-психические состояния, какие оно пробуждает, а те социальные связи, то взаимодействие многих, которое оно учреждает. Все то, что осуществляется в замкнутом психофизиологическом организме, не выходя за его пределы, в идеологическом смысле равно нулю. Все субъективно-психические и физиологические процессы здесь — лишь несамостоятельные ингредиенты социальных процессов.

^/ Пища поглощается индивидуальным организмом как таковым; одежда греет этот индивидуальный организм. Там, где несколько человек потребляют продукты, они, поскольку дело идет о самом процессе потребления, остаются разобщенными единицами. Участие же в восприятии идеологического продукта предполагает особые социальные связи. Самый процесс здесь внутренне социален. Создаются особые социальные формы общения идеологически воспринимающего множества.

Аудитория поэта, читательская аудитория романа, аудитория концертного зала — все это особого типа коллективные организации, социологически своеобразные и чрезвычайно существенные. Вне этих своеобразных форм социального общения нет поэмы или оды, нет романа, нет симфонии. Определенные формы общения конститутивны для самих художественных произведений в их значимости.

Учение о художественном произведении как о предмете индивидуального потребления, какие бы тонкие и идеальные формы оно ни принимало (художественное наслаждение, интеллектуальное наслаждение истиной, блаженство, художественный экстаз и пр., и пр.), совершенно неприемлемо для марксизма, ибо оно не адекватно специфической социальной природе идеологического явления. И как бы ни были высоки и тонки формулы, даваемые этими учениями, они в последнем счете всегда базируются на грубом гедонизме. Мы увидим дальше, что уклонов в такой гедонизм в понимании художественной формы не избег, между прочим, и наш формальный метод.

ЗНАМЕНИЕ и МАТЕРИАЛ ПРОБЛЕМА их ВЗАИМООТНОШЕНИЯ	После решения первого вопроса, т.е. после установления специфических особенностей идеологически значащих вещей в их отличиях от природных тел > от орудий производства и от предметов потребления, должна идти дальнейшая спецификация уже <i>внутри</i> самого конкретного идеологического мира. Необходимо установление точных и конкретных различий между отдельными идеологиями — наукой, искусством и др. Однако, это различие должно быть дано не с точки зрения их отвлеченного значения, как это делала идеалистическая «философия культуры», а с точки зрения форм их конкретной материальной действительности, с одной стороны, и их социальных, реализуемых в формах конкретного общения, значений — с другой.
---	---

Конкретная материальная действительность и социальная значимость должны быть все время руководящими критериями этой спецификации.

Прежде всего, мы наблюдаем в идеологических вещах различные типы связи значения с его материальным телом. Эта связь может быть более или менее глубокой и органической. Так, в искусстве значение совершенно неотделимо от всех деталей воплощающего его материального тела.

Художественное произведение значимо все сплошь. Самое созидание тела-знака здесь имеет первостепенное значение. Технически служебные и потому заместимые моменты здесь сведены к минимуму. Художественную значимость здесь приобретает сама единичная действительность вещи во всей неповторимости ее черт.

В науке это отношение к воплощающему ее материалу несколько иное. Хотя и здесь нет и не может быть значения вне материала (как и во всех идеологических явлениях), но самый материал этот в основе носит условный и заместимый характер. Научное значение легко переводится из одного материала в другой, легко репродуцируется и повторяется. Единичные, неповторимые черты в материальной организации научного произведения в большинстве случаев несущественны. В научном производстве масса добавочных, лишь технически значимых и потому вполне заместимых, а часто и вовсе безразличных моментов.

Но кроме этого отношения к материалу, к его отдельным сторонам и особенностям, в различных идеологиях различны и сами значения, т.е. различны самые функции произведений в единстве социальной жизни. В связи с этим различны и реализующие значение социальные связи, т.е. совокупности всех тех действий и взаимодействий, которые вызываются и организуются идеологическим значением. Только здесь становятся понятными и различные отношения идеологий к отражаемому ими бытию и особые, свойственные каждой идеологии законы преломления этого бытия.

ПРОБЛЕМА ФОРМ И ТИПОВ
ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО ОБЩЕНИЯ | ¹ Вопрос о действительной реализации значения вводит нас во второй ^ченый нами, круг очер едных проблем науки об идеологиях.

Формы и типы идеологического общения до сих пор почти совершенно не изучены. Здесь особенно пагубно сказываются ложные навыки воспитанного на идеализме мышления с его упорной тенденцией представлять себе идеологическую жизнь как одинокое сознание, противостоящее смыслу.

Однако, не менее вредно представлять себе идеологическое общение упрощенно, в форме множества людей, собранных в одном месте, например в концертном зале или на художественной выставке. Такое непосредственное общение является лишь одною из разновидностей идеологического общения, а в настоящее время, может быть, и не из самых главных. Формы непосредственного общения конститутивны лишь для некоторых художественных жанров.

Было бы нелепо представлять себе научное общение, конститутивное для самых форм науки, как ученое собрание или научное заседание. Формы познавательного общения необычайно сложны, тонки и очень

глубоко заложены в экономическом базисе. Ведь основное для человека — организованное коллективное реагирование на природу — определяет самые формы познания природы — от простого житейского осознания ее до сложных методов ее научного постижения. Взаимоориентацией людей определяется каждый акт познавательной рефлексии, и чем сложнее, дифференцированное, организованнее эта взаимоориентация, тем существеннее и глубже познание.

Не менее сложны и тонки формы художественного общения, формы очень многообразные и дифференцированные — от интимных «аудиторий» камерного лирика до громадных «человеческих масс» трагика и романиста.

В западноевропейском искусствоведении нам известна только одна работа, отдающая должное формам художественного общения при определении структур художественных произведений: это — работа П. Беккера по истории симфонической формы от Бетховена до Малера. Симфоническую аудиторию как определенно организованный коллектив этот автор делает конститутивным моментом самого определения симфонического жанра⁵.

ПОНЯТИЕ и ЗНАЧЕНИЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ СРЕДЫ | ^{исчер} Перечисленные нами основные вопросы не ^{проблем} пьвают, конечно, всего круга очередных марксистской науки об идеологиях. Остается еще одна очень важная проблема, которую мы назовем проблемой идеологической среды.

Общественный человек окружен идеологическими явлениями, вещами-знаками разных типов и категорий: словами в многообразнейших формах их осуществления, звучащими, написанными и иными, научными утверждениями, религиозными символами и верованиями, художественными произведениями и пр., и пр. Все это в совокупности составляет его идеологическую среду, со всех сторон плотным кольцом окружающую человека. Собственно в этой среде живет и развивается его сознание. Человеческое сознание соприкасается с бытием не непосредственно, а через медиум окружающего его идеологического мира.

Идеологическая среда есть осуществленное, материализованное, выраженное во-вне социальное сознание данного коллектива. Оно определено его экономическим бытием и, в свою очередь, определяет индивидуальное сознание каждого члена коллектива. Собственно индивидуальное сознание только и может стать сознанием, осуществляясь в этих, данных ему, формах идеологической среды: в языке, в условном жесте, в художественном образе, в мифе и т.д.

Идеологическая среда — среда сознания. Только через нее и с ее помощью пробивается человеческое сознание к постижению и овладению социально-экономическим и природным бытием.

⁵ См. Paul Bekker. Die Symphonie von Beethoven bis Mahler. (Есть русский перевод отдельной брошюрой).

См. также статью В. Волошинова «Слово в жизни и слово в поэзии» («Звезда», 1926 г., № 6).

Идеологическая среда всегда дана в живом диалектическом становлении; в ней всегда наличны противоречия, преодолеваемые и снова рождающиеся. Но для каждого данного коллектива, в каждую данную эпоху его исторического развития эта среда является своеобразным единым конкретным целым, объединяя в живом и непосредственном синтезе и науку, и искусство, и мораль, и другие идеологии.

Реальный человек-производитель в своей работе непосредственно ориентируется в производственной социально-экономической и природной среде. Но каждый акт его сознания и все конкретные формы его вне-трудовых поступков (манер, церемоний, условных знаков общения и пр.) ориентируются непосредственно в идеологической среде, ею определяются и ее, в свою очередь, определяют, лишь косвенно отражая и преломляя социально-экономическое и природное бытие.

Понятие конкретной идеологической среды имеет, думается нам, громадное значение для марксизма. Помимо общетеоретического и методологического значения это понятие имеет и огромную практическую важность. Ведь помимо чисто идеологического творчества целый ряд важнейших социальных актов непосредственно направлен на обработку этой среды в ее конкретном целом. Политика социального воспитания и образования, культурная пропаганда, агитационная работа — все это формы организационного воздействия на идеологическую среду, предполагающие знание ее законов и ее конкретных форм.

Идеалистическая философия культуры и здесь, в понимании идеологической среды, сыграла печальную роль: живые связи между всеми идеологическими образованиями в конкретном и материально выраженном идеологическом кругозоре эта философия приучила подменять внепространственными и вневременными систематическими связями абстрактных значений.

Для позитивистических гуманитарных наук единой идеологической среды вообще не существовало. Она была распылена в плоской эмпирии отдельных, ничем не связанных фактов, и чем изолированнее и бессмысленнее становился отдельный факт, тем он казался солиднее и позитивнее. Достаточно вспомнить позитивную лингвистику и историю языка неограмматиков или позитивную классическую археологию, чтобы убедиться в этом. Тщетные и ложные надежды непосредственно свести идеологическое творчество к природным законам заставляли игнорировать социальное единство и закономерность идеологического мира.

Натурализм и прагматизм игнорировали идеологическую среду в ее своеобразии так же, как они игнорировали и социально-экономическую, заставляя человеческий организм непосредственно приспособляться к природной биологической среде.

Марксисты часто недооценивают конкретное единство, своеобразие и важность идеологической среды и слишком поспешно и непосредственно от отдельного идеологического явления переходят к условиям производственной социально-экономической среды. Тут упускается из виду, что отдельное явление есть лишь несамостоятельная часть конкретной идео-

логической среды и ближайшим образом, непосредственно определяется именно ею. Думать, что отдельные, выхваченные из единства идеологического мира произведения непосредственно, в своей изолированности, определяются экономическими факторами — так же наивно, как думать, что рифма к рифме и строфа к строфе в пределах одного стихотворения подгоняются непосредственным действием экономической каузальности.

Таков круг очередных проблем марксистской науки об идеологиях. Мы наметили здесь лишь основные линии их постановки и разрешения. Нам важно подойти к конкретным задачам лишь одной из ветвей этой науки — к задачам литературоведения.

Только тщательная и глубокая разработка всех бегло намеченных нами вопросов внесет нужную дифференциацию в единый марксистский социологический метод и сделает возможным научное овладение с помощью этого метода всеми деталями специфических структур идеологических явлений.

ГЛАВА ВТОРАЯ,

ОЧЕРЕДНЫЕ ЗАДАЧИ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

ОТРАЖЕНИЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ СРЕДЫ В <СОДЕРЖАНИИ> ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Единство науки о литературе во всех ее отделах (теоретическая поэтика, историческая поэтика, история литературы) зиждется на единстве марксистских принципов понимания идеологических надстроек и их отношения к базису — с одной стороны и на специфических особенностях (социальных же) самой литературы — с другой.

Литературоведение — одна из ветвей науки об идеологиях. Все очередные задачи этой последней, разобранные нами в предыдущей главе, распространяются и на литературоведение, являясь и его очередными задачами. Но здесь правильная постановка и разработка указанных задач осложняется одним особым обстоятельством.

Среди особенностей литературы есть одна очень существенная, сыгравшая и продолжающая играть роковую роль в истории научного изучения литературных явлений. Именно она уводила от литературы и ее прямого изучения историков и теоретиков, мешая правильной постановке литературоведческих проблем.

Особенность эта касается отношения литературы к другим идеологиям, ее своеобразного положения в целом идеологической среде.

Литература входит в окружающую идеологическую действительность как самостоятельная часть ее, занимая в ней особое место в виде определенно организованных словесных произведений со специфической, им лишь свойственной, структурой. Эта структура, как и всякая идеологиче-

екая структура, преломляет становящееся социально-экономическое бытие и преломляет его по-своему. Но в то же время литература в своем «содержании» отражает и преломляет отражения и преломления других идеологических сфер (этики, познания, политических учений, религии и пр.), т.е. литература отражает в своем «содержании» тот идеологический кругозор в его целом, частью которого сама она является.

Эти этические, познавательные и иные содержания литература берет обычно не из системы познания и этоса, не из отстоявшихся идеологических систем (так, отчасти, поступал только классицизм), но непосредственно из самого процесса живого становления познания, этоса и других идеологий. Потому-то литература так часто предвосхищала философские и этические идеологемы, — правда, в неразвитом, в необоснованном, интуитивном виде. Она способна проникать в самую социальную лабораторию их образований и формирований. У художника чуткое ухо к рождающимся и становящимся идеологическим проблемам.

In statu nascendi он их слышит подчас лучше, чем более осторожный «человек науки», философ или практик. Становление мысли, становление этической воли и чувства, их блуждания, их еще не оформленное нащупывание действительности, их глухое брожение в недрах так называемой «общественной психологии» — весь этот не расчлененный еще поток становящейся идеологии отражается и преломляется в содержании литературных произведений.

Человек, его жизнь и судьба, его «внутренний мир» всегда изображаются литературой в идеологическом кругозоре; все здесь совершается в мире идеологических величин и ценностей. Идеологическая среда — это та атмосфера, в которой только и может совершаться жизнь как предмет литературного изображения.

Жизнь как совокупность определенных действий, событий или переживаний становится сюжетом, фабулой, темой, мотивом, только преломившись сквозь призму идеологической среды, только облачившись в конкретную идеологическую плоть. Идеологически еще не преломленная, так сказать, сырая действительность не может войти в содержание литературы.

Какой бы сюжет или мотив мы ни взяли, мы всегда вскроем образующие его структуру чисто идеологические величины. Если мы их отмыслим, если мы поместим человека непосредственно в материальную среду его производственного бытия, т.е. представим его себе в чистой, идеологически абсолютно непреломленной действительности, — от сюжета или мотива ничего не останется.

Не тот или иной конкретный сюжет, например, сюжет «Царя Эдипа» или «Антигоны», а всякий сюжет как таковой есть формула идеологически преломленной жизни. Эту формулу конституируют идеологические конфликты, идеологически уже преломленные материальные силы. Добро, зло, правда, преступление, долг, смерть, любовь, подвиг и т.д. — вне этих и подобных им идеологических величин нет сюжета, нет мотива.

Все эти величины, конечно, глубоко различны в зависимости от того, принадлежат ли они идеологическому кругозору феодала, или крупного буржуа, или крестьянина, или пролетария. В зависимости от этого глубоко различны и конституируемые ими сюжеты. Но идеологическая преломленность мира, ставшего предметом литературного изображения, преломленность познавательная, этическая, политическая, религиозная является обязательным и неотменным предварительным условием его вхождения в структуру литературного произведения, в его содержание.

Не только сюжет, но и лирический мотив, та или иная проблема и всякий вообще значащий момент содержания подчиняется этому основному закону: в нем художественно оформляется идеологически уже преломленная действительность.

**ТРИ ОСНОВНЫЕ
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОШИБКИ
РУССКОЙ КРИТИКИ
И ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ**

Итак, литература в своем содержании отражает идеологический кругозор, т.е. чужие нехудожественные (этические, познавательные и пр.) идеологические образования. Но отражая эти чужие знаки, литература сама создает новые формы, новые знаки идеологического общения. И эти знаки — литературные произведения — становятся реальной частью окружающей человека социальной действительности. Отражая нечто вне их находящееся, литературные произведения в то же время сами являются самоценными и своеобразными явлениями идеологической среды. Их действительность не сводится к одной служебно-технической роли отражения других идеологов. У них своя самостоятельная идеологическая роль и свой тип преломления социально-экономического бытия.

Поэтому, говоря об отражении бытия в литературе, должно строго различать эти два вида отражений:

- 1) отражение в содержании литературы идеологической среды и
- 2) обычное для всех идеологий отражение базиса самой литературой как одной из самостоятельных надстроек.

Это двойное отражение, двойкая ориентация литературы в бытии чрезвычайно осложняет и затрудняет методологию и конкретную методику изучения литературных явлений.

Русская критика и история литературы (Пыпин, Венгеров и др.), изучая отражения идеологической среды в содержании, совершала три роковые методологические ошибки:

1. Ограничивала литературу именно этим только отражением, т.е. низводила ее до роли простой служанки и передатчицы других идеологий, почти совершенно игнорируя самозначимую действительность литературных произведений, их идеологическую самостоятельность и своеобразие.
2. Принимала отражение идеологического кругозора за непосредственное отражение самого бытия, самой жизни. Не учитывалось, что содержание отражает только идеологический кругозор, который сам является лишь преломленным отражением реального бытия. Раскрыть изображен-

ный художником мир — не значит еще проникнуть в действительную реальность жизни.

3. Догматизировала и завершала основные идеологические моменты, отраженные художником в содержании, превращая живые становящиеся проблемы в готовые положения, утверждения, решения, — философские, этические, политические, религиозные. Не был понят и учтен тот глубоко важный момент, что литература в основе своего содержания отражает только становящиеся идеологии, только живой процесс становления идеологического кругозора.

С готовыми, утвержденными положениями художнику нечего делать: они неизбежно окажутся чужеродным телом в произведении, прозаизмом, тенденцией. Они должны занять свое естественное место в системе науки, морали, в программе политической партии и т.п. В художественном произведении такие готовые догматические положения в лучшем случае могут занять место лишь второстепенных сентенций; самое же ядро содержания они никогда не образуют.

Таковы три основные методологические ошибки, допускаемые в более или менее грубой форме почти всеми критиками и историками литературы. Они имели своим следствием то, что самостоятельная и своеобразная идеология — литература — сводилась к другим идеологиям и без остатка в них растворялась. В результате литературного анализа из художественного произведения отжималась плохая философия, легкомысленная социально-политическая декларация, двусмысленная мораль, однодневное религиозное учение. То, что оставалось от этого отжимания, т.е. самое основное в литературном произведении — его художественная *структура* — просто игнорировалось как простая техническая опора для других идеологий.

Но самые эти идеологические выжимки были глубоко неадекватны действительному содержанию произведения. То, что было дано в живом становлении и конкретном единстве идеологического кругозора, упорядочивалось, изолировалось и развивалось до законченного и всегда дурного построения.

— 1 Такая реакция со стороны критика и, особенно критика, современика вполне понятна и закономерна. Критик, как и читатель,

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА
и <СОДЕРЖАНИЕ>

отчасти

представителем которого он является, бывает сам вовлечен в этот поток становящейся идеологии, раскрытой для него художником. Если произведение действительно глубоко и актуально, то критик и читатель узнают себя, свои проблемы, свое собственное идеологическое становление («искания»), узнают противоречия и конфликты своего собственного, всегда живого, всегда запутанного идеологического кругозора.

Ведь в идеологическом кругозоре любой эпохи и любой социальной группы не одна, а несколько взаимопротиворечащих истин, не один, а несколько расходящихся идеологических путей. Когда человек выберет одну из истин как бесспорную, вступит на один из путей как очевидный — он напишет научный трактат, примкнет к какому-нибудь течению, запишется в какую-нибудь партию. Но и в пределах трактата, партии, ве-

ры он не сможет «почтить на лаврах»: поток идеологического становления и здесь снова поставит его перед двумя путями, двумя истинами и т.д. Идеологический кругозор непрерывно становится, — если только человек не застрял в гнилом месте жизни. Такова диалектика живой жизни.

И вот, чем интенсивнее, бурнее и труднее этот процесс становления и чем глубже и существеннее будет его отражение в подлинном литературном произведении, тем идеологичнее, заинтересованнее, захваченнее будут реагировать на него критик и читатель. Это и неизбежно и хорошо.

Но худо, если критик начнет навязывать художнику утверждение как утверждение, как «последнее слово», а не как становление мысли. Худо, если он забудет, что в литературе нет философии, а только философствование, нет знания, а только познавание. Худо, если он догматизирует внехудожественный идеологический состав содержания как таковой. Не хорошо далее, если критик из-за этого только отраженного становления внехудожественного идеологического кругозора не заметит и не оценит действительного становления искусства в лице данного художественного произведения, не заметит самостоятельности и уже бесспорной догматичности и утвержденности чисто художественной позиции автора.

Ибо художник в действительности утверждается лишь как художник в процессе художественного выбора и оформления идеологического материала. И это художественное утверждение его не менее социально и идеологично, чем всякое иное — познавательное, этическое, политическое.

Всего этого не должна игнорировать здоровая и серьезная литературная критика.

**ЗАДАЧИ ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ В
ОТНОШЕНИИ <СОДЕРЖАНИЯ>**

Но для ученого историка и теоретика литературы всего этого еще мало*

Критик может остаться в пределах идеологического кругозора как отраженного содержанием, так и действительного, художественного. Историк же должен вскрыть самую механику идеологического становления.

За становлением отраженного и действительного идеологического кругозора (строго их различая, ибо методика их изучения разная) он должен вскрыть борьбу социальных классов. Через идеологический кругозор он должен пробиться к действительному социально-экономическому бытию данной общественной группы.

Для историка литературы — марксиста наиболее существенным является отражение бытия в формах самой литературы как таковой, т.е. социальная жизнь, выраженная на специфическом языке поэтического произведения. Язык других идеологий он предпочтет изучать по более непосредственным документам их, а не по вторичному их преломлению в структуре художественного произведения.

Менее же всего допустимы для марксиста всякие непосредственные заключения от вторичного отражения какой-нибудь идеологии в литературе к социальной действительности соответствующей эпохи, как это делали и делают quasi-социологи, готовые проецировать любой структур-

ный элемент художественного произведения — например, героя или сюжет — непосредственно в реальную жизнь. Для настоящего социолога герой романа и событие сюжета, конечно, гораздо больше скажут именно как элементы художественной структуры, т.е. на своем собственном художественном языке, чем их наивные непосредственные проекции в жизни.

Разберем несколько подробнее взаимоотношения отраженного идеологического кругозора и художественной структуры в единстве литературного произведения.

ОТРАЖЕНИЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО КРУГОЗОРА И ХУДОЖЕСТВЕННАЯ СТРУКТУРА В ЛИТЕРАТУРНОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ

Герой романа, например, тургеневский Базаров, взятый вне романной структуры > отнюдь не является социальным типом в строгом смысле этого слова, но лишь идеологическим преломлением данного социального типа. Базаров вовсе не

разночинец в его действительном бытии, как его определяет научная социально-экономическая история. Базаров — идеологическое преломление разночинца в общественном сознании определенной социальной группы, у Тургенева — либерально-дворянской. В основном эта идеологема разночинца — этико-психологическая, отчасти и философская.

Эта идеологема разночинца является неотрывным элементом единого идеологического кругозора социальной группы либерального дворянства, к которой принадлежал Тургенев. Косвенным документом этого идеологического кругозора и является образ Базарова. Но уже совсем отдаленным и почти негодным документом является этот образ для социально-экономической истории пятидесятих — шестидесятых годов, т.е. как материал для действительного изучения исторического разночинца.

Так обстоит дело, если взять Базарова вне художественной структуры романа. Но ведь на самом деле Базаров непосредственно дан нам вовсе не как этико-философская идеологема, а как структурный элемент поэтического произведения. И в этом его основная действительность для социолога.

Базаров прежде всего «герой» тургеневского романа, т.е. элемент определенной жанровой разновидности в ее конкретном осуществлении. Здесь эта дворянская идеологема разночинца несет определенную художественную функцию: прежде всего — в сюжете, потом — в теме (в широком смысле слова), в тематической проблеме и, наконец, в конструкции произведения в ее целом.

Здесь этот образ построен совершенно иначе и несет иные функции, чем, скажем, образы героев классической трагедии.

Правда, наша идеологема разночинца, входя в роман и становясь самостоятельным структурным элементом художественного целого, отнюдь не перестает быть этико-философской идеологемой. Наоборот, она переносит в структуру романа всю свою внехудожественную идеологическую значимость, всю свою серьезность и всю полноту своей идеологи-

ческой ответственности. Идеологема, лишённая своей прямой значимости, своего идеологического жала, не может войти в художественную структуру, ибо она не внесет туда именно того, что нужно поэтической структуре, что является конститутивным моментом ее, — своей полнозначной идеологической остроты.

Но, не теряя своей прямой значимости, идеологема, входящая в художественное произведение, вступает в новое химическое, а не механическое соединение с особенностями художественной идеологии. Этико-философский пафос ее становится ингредиентом пафоса поэтического, а этико-философская ответственность поглощается совокупностью художественной ответственности автора за целое художественного выступления. Это последнее является, конечно, таким же социальным выступлением, как и этико-философское, политическое и всякое иное идеологическое выступление.

Нужен специфический метод и проработанная конкретная методика для осторожного и сколько-нибудь точного выделения внехудожественных идеологем из художественных структур. В большинстве же случаев такая работа вообще ничем не оправдана и бесполезна.

Чисто художественные интенции романа насквозь пронизывают этико-философскую идеологему Базарова. Очень трудно ее отделить от сюжета. Ведь сюжет своей специфической закономерностью, своей сюжетной логикой в гораздо большей степени определяет жизнь и судьбу Базарова, чем отраженная внехудожественная идеологическая концепция его жизни как разночинца.

Не менее трудно отделение ее от тематического единства в его целом, у Тургенева — лирически окрашенного, и от тематической проблемы двух поколений.

Вообще, герой является чрезвычайно сложным литературным образованием. Он строится в точке пересечения важнейших структурных линий произведения. Поэтому-то так трудно отделить лежащую в его основе внехудожественную идеологему от опутывающей ее чисто художественной ткани. Методологических проблем и трудностей здесь очень много; мы нарочито их несколько упрощаем и не разворачиваем во всей полноте.

Воспользуемся грубой естественнонаучной аналогией. Кислород именно как кислород, т.е. во всем своем химическом своеобразии, входит в состав воды. Но нужен определенный химический метод и владение определенной лабораторной методикой, т.е. техникой производства конкретных анализов на общехимической методологической основе, чтобы выделить его из воды.

Так и в нашем примере: безусловная наличность этико-философской идеологемы в составе художественного целого еще далеко не гарантирует правильности и методологической чистоты ее отделения. Она дана в химическом соединении с художественной идеологемой.

Далее, особая методика нужна для отнесения выделенной идеологемы к единству идеологического кругозора соответствующей социальной

группы. Ведь эта идеологема, выделенная из произведения, где она была самостоятельным элементом, становится теперь самостоятельным же элементом общеидеологического кругозора.

При всем этом необходимо еще строжайше учитывать, что самая идеологема и обнимающий ее идеологический кругозор даны в процессе становления. Идеологема разнотинца в образе Базарова вовсе не есть этико-философское утверждение в точном смысле этого слова, а противоречивое становление такого утверждения. Этого нельзя забывать.

Но главная задача марксиста — историка и теоретика литературы, — повторяем, все-таки не в этом выделении внехудожественных идеологем, а в социологическом определении самой художественной идеологемы, т.е. самого художественного произведения.

Можно, конечно, добыть из воды кислород, если он нужен. Но кислород не адекватен воде как целому. Вода фигурирует в жизни и нужна в ней именно как целое. Так и роман фигурирует в социальной жизни и действителен в ней именно как роман, как художественное целое. Основную задачу теоретика и историка литературы и является изучение его как такового, а не включенной в него идеологемы — с точки зрения ее художественных функций в этом романе.

И художественная структура романа в его целом, и художественные функции каждого из его элементов сами по себе не менее идеологичны и не менее социологичны, чем включенные в них этические, философские или политические идеологемы. Но художественная идеологичность романа для исследователя литературы непосредственной, первичней, чем только отраженные в нем и дважды преломленные внехудожественные идеологемы.

Внехудожественная идеологема, введенная в литературное произведение, в химическом соединении с художественной конструкцией, образует тематическое единство данного произведения. Это тематическое единство является особым, только литературе свойственным способом ориентации в действительности, дающим возможность овладеть такими сторонами действительности, которые недоступны другим идеологиям. Все это подлежит специальному изучению на основе особых методических приемов.

«СОДЕРЖАНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ КАК ПРОБЛЕМА ЭСТЕТИКИ И ПОЭТИКИ»

Разобранная нами особенность художественной структуры — ее содержательность, т.е. органическая включенность в нее других идеологий в процессе их становления, является общим достоянием почти всех эстетик и поэтик, за исключением эстетик, ориентирующихся на упадочные направления художественного творчества.

В новейшей эстетической литературе эта особенность подробно и принципиально обоснована и разобрана в эстетике Германа Когена, правда, на идеалистическом языке его философской системы.

«Эстетическое» Коген понимает как своего рода надстройку над другими идеологиями, над действительностью познания и поступка. Действительность, таким образом, входит в искусство уже как познанная и этически оцененная. Однако, эта действительность познания и этической

оценки является для Когена как для последовательнейшего идеалиста «последней действительностью». Реального бытия, определяющего познание и этическую оценку, Коген не знает. Идеологический кругозор, лишенный притом конкретности и материальности и синтезированный в абстрактное систематическое единство, является для Когена последней реальностью.

Вполне понятно, что при таких идеалистических предпосылках эстетика Когена не могла овладеть всею конкретной полнотою художественного произведения и его конкретными связями с другими идеологическими явлениями. Эти конкретные связи подменяются им систематическими связями между тремя частями системы философии — между логикой, этикой и эстетикой. Вполне понятно также, что у Когена остались без рассмотрения и анализа и те художественные функции, которые несут внехудожественные идеологемы — познание и этическая оценка — в конкретной структуре произведения.

Та же идея включенности внеэстетических ценностей в художественное произведение, но в менее отчетливой и принципиальной форме, развита в идеалистической эстетике Ионаса Кона⁶ и Бродера Христиансена⁷. Еще менее отчетливо эти идеи развиты в психологических эстетиках вчувствования (*Einfühlungsästetik*) Липса и Фолькельта. Здесь дело идет уже не о включении идеологем в конкретную структуру художественного произведения, а о различных сочетаниях в психике художника и созерцателя между познавательными и этическими актами, чувствованиями, эмоциями — с одной стороны, и эстетическими — с другой. Все растворено в море переживаний, в котором эти авторы тщетно пытаются нащупать какие-либо устойчивые связи и закономерности. Постановка конкретных искусствоведческих проблем на этой зыбкой субъективно-психологической почве, конечно, невозможна.

Более конкретные постановки нашей проблемы можно найти у методологов искусствоведения Макса Дэссуара и Эмиля Утица, у последнего — на почве феноменологического метода. Однако, той степени методологической отчетливости и конкретности, которая могла бы удовлетворить марксистскую науку об идеологиях, мы и здесь не найдем.

Большую путаницу в эту проблему внесли эстетические построения Гамана⁸. Этот эстетик и искусствовед под влиянием беспредметных искусств — точнее, направлений — и экспрессионизма в изобразительных искусствах переоценил, особенно в своих последних работах, «вещность» и «конструктивную сделанность» художественного произведения. В своих ранних произведениях он переоценил в общем правильный, но чисто отрицательный и формально пустой принцип эстетического отрешения и изоляции⁹.

⁶ Ионас Кон. *Общая эстетика*, Гиз, 1921 г.

⁷ Бродер Христиансен. *Философия искусства*, Пб., 1911 г.

⁸ Рихард Гаман. *Эстетика*, М., 1913 г.

⁹ В русской литературе последних лет разобранная нами особенность литературы также неоднократно выдвигалась в процессе полемики с формалистами, однако на ложном фунда-

**ПРОБЛЕМА ОТРЕШЕНИЯ И
ИЗОЛЯЦИИ**

На принципе отрешения и изоляции, ввиду общэстетического значения, мы остановимся здесь несколько подробнее. Ведь может показаться, что отрешения и изоляция художественного произведения и его содержание противоречат разобранной нами особенности поэтической структуры.

На самом деле это, конечно, не так. При правильном понимании этого принципа здесь не оказывается никакого противоречия. Что же собственно отрешается и изолируется в искусстве? И от чего происходит это отрешение?

Ясно, что отрешаются не абстрактные физические качества, а именно идеологические значимости, какие-либо явления социальной действительности и истории. Отрешение же происходит не от идеологического значения их. Наоборот, это значение как раз и входит в отрешенное бытие искусства. Явление входит в него именно как доброе или злое, ничтожное или великое и т.п.

Мы уже знаем, что вне идеологических оценок, в отвлечении от них неосуществимы ни сюжет, ни тема, ни мотив. Отрешение на самом деле совершается не от идеологической ценности явления, а от его действительности и от всего того, что связано с действительностью данного явления — возможное чувственное влечение, установка на индивидуальное потребление, страх перед изображенным и т.д. Явление входит в отрешенное бытие искусства со всеми своими ценностными коэффициентами, не как голое и обесмысленное природное тело, а как социальная значимость.

Но отрешенная от действительности, изолированная от ее прагматических связей, социальная значимость, составляющая содержание произведения, под другим углом зрения, в другой социальной категории снова приобщается к действительности и ее связям — именно как элемент художественного произведения, которое как специфическая социальная действительность не менее реальна и не менее действенна, чем другие социальные явления.

Возвращаясь к нашему примеру, видим: роман Тургенева не менее действителен и не менее тесно и неотрывно вплетен как реальный фактор в социальную жизнь 60-х годов, чем реальный живой разночинец, не го-

менте и без достаточной методологической четкости. Особенно настаивал на этом А.А.Смирнов в своей интересной работе «Основные задачи науки о литературе» («Литер. Мысль», 1923 г., кн. II). Поэтическое произведение он определяет как нераздельное единство и взаимопроникновение познавательного, этического и эстетического моментов. Однако, интуитивистический агностицизм этого автора не позволил ему подойти к конкретным проблемам поэтической структуры. Все научные методы, по мнению указанного автора, доводят исследователя лишь до порога «святой святых» поэтической структуры. Доступ же в ее глубины научным методом закрыт: она доступна только интуиции.

Указанная особенность литературы трактуется также в работах С.Аскольдова («Литер. Мысль», кн. III) и Сеземана («Мысль», 1922 г., № 1), особенно отчетливо, хотя и в высшей степени кратко, у последнего. Однако, подлинного методологического анализа мы и здесь не найдем.

воря уже о дворянской идеологеме разночинца. Только действительность его как романа иная, чем действительность реального деятеля-разночинца.

Итак, социальная значимость, входящая в содержание романа или иного произведения, отрешенная от действительности в одном отношении, компенсируется новым приобщением ее к социальной действительности — в другом, под *другой* социальной категорией. И от этой социальной действительности романа нельзя отрывать ради отраженной и отрешенной действительности элементов его содержания.

Действительность романа, его соприкосновение с реальностью, его участие в социальной жизни вовсе не сводится к тому только, что он в своем содержании отражает действительность. Нет, он причастен к социальной жизни и действителен в ней именно как роман и, как таковой, занимает иногда очень большое место в социальной действительности, иногда не меньшее, чем отраженные в его содержании социальные явления.

Боязнь оторваться от имманентной действительности литературы ради иной, только отраженной в ней действительности, не должна приводить к отрицанию наличности этой последней в художественном произведении, как это делается в русском формализме, или к недооценке ее структурной роли в нем, как в формализме европейском. Это пагубно не только с точки зрения внеположных искусству (относительно внеположных) общеметодологических и социологических интересов, но и с точки зрения самого искусства: ведь недооценивается один из важнейших и существеннейших структурных элементов его, вследствие чего искажается и вся его структура.

Правильная общефилософская установка и необходимая методологическая четкость во всех выдвинутых нами вопросах может быть дана только на почве марксизма. Только здесь может быть вполне согласована специфическая действительность литературы с отражением в ее содержании идеологического кругозора, т.е. других идеологем, согласована в единстве социальной жизни на основе проникающей насквозь и всецело все идеологическое творчество социально-экономической закономерности.

Здесь, на почве марксизма, при предпосылке сплошной социологичности всех идеологических явлений, в том числе и поэтических структур во всех их чисто художественных деталях и нюансах, одинаково устраняется как опасность фетишизации произведения и превращения его в бессмысленную вещь, а художественного восприятия — в голое гедоническое «ощущение» этой вещи, как в нашем формализме, так и обратная опасность превращения литературы в простую служанку других идеологий, опасность отрыва от произведения искусства в его художественной специфичности.

Помимо отражения идеологического кругозора в содержании художественного произведения этот кругозор оказывает определяющее влияние и на произведение в его целом.

Литературное произведение ближайшим образом является частью литературной среды как совокупности всех социально-действенных в данную эпоху и в данной социальной группе литературных произведений. С

точки зрения строго исторической единичное литературное произведение является несамостоятельным и потому реально неотделимым элементом литературной среды. В этой среде оно занимает определенное место и ее влияниями непосредственно определяется. Было бы нелепо думать, что произведение, занимающее место именно в литературной среде, могло бы избежать ее непосредственного определяющего влияния, могло бы выпасть из органического единства и закономерности этой среды.

Но сама литературная среда, в свою очередь, является лишь несамостоятельным и потому реально неотделимым элементом общеидеологической среды данной эпохи и данного социального целого. Литература как в своем целом, так и в каждом своем элементе занимает определенное место в идеологической среде, ориентирована в ней и определяется ее непосредственным влиянием. Идеологическая же среда в своем целом и в каждом элементе, в свою очередь, является таким же несамостоятельным моментом социально-экономической среды, ею определяется и проникается снизу доверху единою социально-экономической закономерностью.

Мы получаем, таким образом, сложную систему взаимоотношений и взаимодействий. Каждый элемент ее определяется в нескольких своеобразных, но взаимнопроницаемых друг для друга целых.

Нельзя понять произведения вне единства литературы. Но это единство в его целом и каждый его элемент, следовательно, и данное произведение нельзя понять вне единства идеологической жизни. А это последнее единство, в свою очередь, ни в его целом, ни в отдельных его элементах нельзя изучать вне единой социально-экономической закономерности.

Таким образом, чтобы вскрыть и определить литературную физиономию данного произведения, нельзя в то же время не вскрыть и его общеидеологической физиономии, — ведь одного без другого нет, — а вскрывая эту последнюю, мы не можем не вскрыть и ее социально-экономической природы.

Только при соблюдении всех этих условий возможно подлинное конкретное историческое изучение художественного произведения. Ни одного из звеньев этой единой цепи понимания идеологического явления нельзя миновать и нельзя остановиться на одном звене, не переходя к следующему. Совершенно недопустимо изучать литературное произведение непосредственно и исключительно как элемент идеологической среды, как если бы оно было единственным экземпляром литературы, а не являлось непосредственно элементом литературного мира в его своеобразии. Не поняв места произведения в литературе и его прямой зависимости от нее, нельзя понять и его места в идеологической среде.

Еще более недопустимо перескакивать сразу через два звена и пытаться понять произведение непосредственно в социально-экономической среде, как если бы оно было единственным экземпляром идеологического творчества, а не ориентировалось бы в социально-экономической среде, пре-

жде всего, со всею литературою и со всем идеологическим кругозором вместе, как их неотъемлемый элемент.

Всем этим определяются весьма сложные задачи и методы истории литературы.

История литературы изучает конкретную жизнь художественного произведения в единстве становящейся литературной среды; эту литературную среду в обнимающем ее становлении идеологической среды; эту последнюю, наконец, в становлении проникающей ее социально-экономической среды. Работа историка литературы должна, таким образом, протекать в непрерывном взаимодействии с историей других идеологий и с социально-экономической историей.

Бояться эклектизма и подмены истории литературы историей культуры историку-марксисту не приходится. Такой эклектизм и такая подмена страшны лишь на почве позитивизма, где единство покупается всегда ценою смещения и всяческих подмен. Конкретное единство исторического материализма не боится таких спецификаций и дифференциаций и в то же время никогда не утратит за ними единства конкретного принципа и метода.

Боязнь эклектизма и подмены объясняется наивным убеждением, что специфичность и своеобразность какой-нибудь области можно сохранить только путем ее абсолютной изоляции, путем закрывания глаз на все, вне ее лежащее. На самом же деле всякая идеологическая область и всякое отдельное идеологическое явление обретает свое истинное своеобразие и свою специфичность именно в живом взаимодействии с другими явлениями.

При изучении литературы в живом взаимодействии с другими областями и в конкретном единстве социально-экономической жизни не только не утрачивается ее своеобразие, но, напротив, это своеобразие только и сможет до конца и всесторонне раскрыться и определиться в этом процессе взаимодействия.

При этом историк литературы ни на минуту не должен забывать двойной связи литературного произведения с идеологической средой: через отражение этой среды своим содержанием и через непосредственную причастность к ней своим целым в его художественной специфичности как своеобразной части этой среды. *-f.*

Что литературное произведение определяется прежде всего и непосредственно самою литературою, не может и не должно, конечно, смущать историка-марксиста. Марксизм вполне допускает определяющее влияние других идеологий на литературу. Более того, он допускает обратное воздействие идеологий на самый базис. Следовательно, подавно он может и должен допустить воздействие литературы на литературу же.

Но это воздействие литературы на литературу не перестает быть социологическим воздействием. Литература, как и всякая иная идеология, социальна с начала и до конца. Единичное литературное произведение не отражает базиса «за свой страх и риск», в отдельности и в отрыве от литературы в целом. И базис не определяет литературного произведе-

ния, как бы «отозвав его в сторону» и «по секрету» от остальной литературы. Нет, он воздействует именно на всю литературу и на всю идеологическую среду в ее целом, а на отдельное произведение, именно как литературное произведение, т.е. как на элемент этого целого — в его неотрывной связи со всею данной литературной ситуацией.

Социально-экономическая закономерность умеет говорить на языке самой литературы, как она умеет говорить на всех идеологических языках. Путаница и прорывы вносятся только дурными теоретиками и историками, которые воображают, что социологический фактор должен быть непременно «чуждым» фактором, что, если дело идет о литературе, он должен быть непременно «внелитературным фактором», если о науке — «внеаучным фактором» и т.п.

На самом деле социально-экономическая закономерность воздействует на все элементы общественной и идеологической жизни и изнутри и извне. Наука не должна перестать быть наукой, чтобы стать социальным явлением, — для этого она должна стать плохой наукой. Но, впрочем, даже и тогда, как плохая наука она не перестанет быть социальным явлением.

Но чего действительно должен остерегаться историк литературы — это превращения литературной среды в абсолютно замкнутый самодовлеющий мир. Учение о замкнутых и независимых друг от друга культурных рядах совершенно недопустимо. Своеобразие ряда, точнее — среды, как мы видели, только и обосновывается взаимодействием этого ряда как в его целом, так и в лице каждого его элемента со всеми другими рядами в единстве социальной жизни.

Каждое литературное явление (как и всякое идеологическое явление) — повторяем это — определяется одновременно и извне и изнутри. Изнутри — самой литературой, извне — другими областями социальной жизни. Но, определяясь изнутри, литературное произведение тем самым определяется и извне, ибо определяющая его литература сама в ее целом определяется извне. А определяясь извне, оно тем самым определяется и изнутри, ибо внешние факторы определяют его именно как литературное произведение в его специфичности и в связи со всей литературной ситуацией, а не вне ее. Внутреннее, таким образом, оказывается внешним и обратно.

Эта диалектика совсем не так сложна. Только на почве грубых механистических пережитков может держаться то поистине топорное, неподвижно-инертное и необратимое различие «внутренних и внешних факторов» развития идеологических явлений, которое довольно часто встречается в марксистских работах о литературе и других идеологиях. При этом еще «внутренний фактор» обычно берется под подозрение как недостаточно лояльный с социологической точки зрения!

Любой внешний фактор, воздействующий на литературу, вызывает в ней чисто литературный эффект, и этот эффект становится определяющим внутренним фактором для последующего развития литературы. А сам этот внутренний фактор становится внешним фактором для других

идеологических сфер, которые будут реагировать на него на своем внутреннем языке; эта же реакция, в свою очередь, станет внешним фактором для литературы.

Но, конечно, вся эта диалектическая игра факторов совершается в пределах единой социологической закономерности. Ничто в идеологическом творчестве не выходит за пределы этой закономерности: она властвует в каждом уголке, в каждой интимной и внутренней детали идеологического построения. Все в этом процессе непрерывного диалектического взаимодействия сохраняет свое своеобразие. Искусство не перестает быть искусством, наука — наукой. Но и социологическая закономерность при этом не утрачивает своего единства и своей всеопределяющей силы.

Только на основе такого диалектического понимания своеобразия и взаимодействия различных идеологических явлений может быть построена подлинная научная история литературы.

**ПРЕДМЕТ, ЗАДАЧИ и МЕТОД
СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ПОЭТИКИ**

Однако, история литературы не исчерпывает еще всех задач литературоведения. Более того) она сама предполагает уже науку,

которая раскрыла бы своеобразие поэтических структур как *sui generis* социальных структур, т.е. научная история литературы предполагает социологическую поэтику.

Что такое литературное произведение? Какова его структура? Каковы элементы этой структуры и каковы их художественные функции? Что такое жанр, стиль, сюжет, тема, мотив, герой, метр, ритм, мелодика и т.д.? Все эти вопросы и, в частности, вопрос об отражении идеологического кругозора в содержании произведения и о функциях этого отражения в целом его художественной структуры — все это обширная исследовательская область социологической поэтики.

Эта область и должна, прежде всего, осуществить все те задания, которые мы рассматривали в первой главе нашей работы, конкретизировав их на материале литературы.

История литературы в основном уже предполагает ответы социологической поэтики на поставленные вопросы. Она должна уже исходить из определенных знаний о сущности тех идеологических структур, конкретную историю которых она прослеживает.

Но в то же время и сама социологическая поэтика, чтобы не стать догматичной, должна ориентироваться на истории литературы. Между этими двумя науками должно быть непрерывное взаимодействие. Поэтика дает истории литературы руководящие направления в спецификации материала исследования и основные определения его форм и типов. История литературы вносит свои коррективы в определения поэтики, делая их более гибкими, динамичными и адекватными многообразию исторического материала.

В этом смысле можно говорить о необходимости особой исторической поэтики как о посредствующем звене между теоретической социологической поэтикой и историей литературы.

Впрочем, разделение теоретической и исторической поэтики носит скорее технический, нежели методологический характер. И теоретическая поэтика должна быть историчной.

Каждое определение социологической поэтики должно быть определением, адекватным всей эволюции определяемой формы. Так, например, определение романа, даваемое социологической поэтикой, должно быть динамичным и диалектичным. Оно должно относиться к роману как к ряду меняющихся разновидностей этого жанра, должно быть адекватно именно этому становящемуся ряду. Определение романа, неспособное покрыть всех бывших форм его исторического становления, является вовсе не научным определением романа, а художественной декларацией какого-нибудь литературного направления, т.е. выражает оценки и взгляды этого направления на роман.

Чтобы не превратиться в программу какой-нибудь литературной школы, — действительная судьба большинства поэтик, — или же, в лучшем случае, в программу всей литературной современности, социологическая поэтика должна быть исторически ориентирована. Диалектический метод дает ей в руки незаменимое оружие для построения динамических определений, т.е. таких, которые адекватны становящемуся ряду развития данного жанра, данной формы и пр. Только на основе диалектики можно избежать как нормативизма и догматической декларативности в определениях, так и позитивистической распыленности в многообразии ничем не связанных и лишь условно объединенных фактов.

И вот, роль исторической поэтики сводится к тому, чтобы в ряде монографических исследований по истории того или иного жанра, даже того или иного структурного элемента, какова, например, работа А.Н.Веселовского «Из истории эпитета», готовить историческую перспективу для обобщающих и синтезирующих определений социологической поэтики.

Случилось так, что марксистский метод в истории литературы уже применялся, а марксистской социологической поэтики еще не было, как нет ее и до сих пор. Более того, о ней даже не думали.

При таком положении историку-марксисту приходилось заимствовать специфицирующие определения литературных явлений у несоциологических поэтик. Эти определения были, конечно, или натуралистическими, или позитивистическими, или идеалистическими, во всяком случае — заведомо несоциологическими. Эти спецификаторские определения оказывали, конечно, упорное сопротивление марксистскому методу, — ведь они были «чужеродным телом» в марксистском исследовании.

На этой-то почве и родилась печальная тенденция объявлять войну всему «имманентно» литературному в объяснении литературных явлений, а марксистский метод сводить к упорному подыскиванию лишь исключительно внешних факторов, определяющих литературные явления независимо друг от друга.